

Дай Ван задал недостижимую высоту. На его фоне Се Шуи, и без того не имевший богатого опыта, разволновался не на шутку.

На заре своей карьеры, благодаря природной стати и красивому лицу, он часто снимался для журналов и даже пару раз попадал на обложки. Но это было в прошлой жизни. Стоило ему решить, что он больше не хочет торговать смазливой внешностью, как подобные предложения сошли на нет. К тому же модельная съемка разительно отличалась от промо-кадров к фильму: для первой достаточно показать себя в лучшем ракурсе, тогда как вторые требуют передать самую суть персонажа. И хотя Се Шуи до мельчайших нюансов изучил характер Линь Шу, после полугода простоя он всерьез опасался, что перед объективом у него просто-напросто начнется мандраж.

Оправив широкие рукава длинного халата, Се Шуи с невозмутимым видом — по крайней мере, так казалось со стороны — ступил на съемочную площадку.

Едва вспыхнули софиты, произошло чудо: от бывшего волнения не осталось и следа. Шуи накрыло странное, давно забытое чувство. Память внезапно перенесла его на десять лет назад, в те дни, когда он только-только пришел в индустрию...

Его решение стать актером привело к тяжелому разрыву с семьей. Вопреки уговорам родителей, он поступил на актерский факультет, разом перечеркнув все планы отца на его будущее. Разгневанный родитель не разговаривал с ним все четыре года учебы. А когда Шуи окончательно погрузился в этот жестокий и грязный мир шоу-бизнеса, последняя надежда отца рухнула. В ярости тот полностью отрекся от сына и запретил ему видеться даже с матерью.

Долгое время после этого дела шли из рук вон плохо. Без родительской поддержки и хороших ролей он едва сводил концы с концами. Не раз и не два у него возникало желание вернуться домой, повиниться перед отцом, навсегда забыть об актерстве и покорно принять предначертанную ему судьбу.

Но именно тогда ему подвернулось предложение — копеечная съемка в неизвестном журнале, о котором он раньше и слухом не слыхивал. Согласившись исключительно ради того, чтобы заработать на кусок хлеба, Шуи встал под свет прожекторов — и внезапно ощутил абсолютный покой.

Тогда к нему пришло озарение: опускать руки после первой же неудачи — просто смешно. Легкого успеха не бывает, а сдаться, даже не попытавшись побороться за мечту, значило бы обречь себя на вечные сожаления. И он решил ждать.

Он лишь не подозревал, что это ожидание затянется на долгие десять лет.

На лице Се Шуи на долю секунды отразилась горькая грусть. Этот миг длился не дольше вдоха, но Дай Ван успел его поймать.

Сердце актера болезненно сжалось от жалости. Он понимал, что сейчас творится в душе Шуи, знал всю его боль, обиду и бессилие. Он знал его прошлое, сопереживал каждой его ране. Но, к счастью, отныне все изменится. Теперь у него есть он.

Се Шуи мгновенно взял себя в руки. Стоило фотографу скомандовать «начали!», как он в мгновение ока преобразился в Линь Шу.

В отличие от Сун Минъя в исполнении Дай Вана — необузданного, взирающего на мир свысока, — образ Се Шуи требовал статичности. Перед камерой он почти не двигался, лишь изредка делал едва заметный шаг или поправлял складки одеяния. Но при всей внешней неподвижности его взгляд творил чудеса.

У Юй заворуженно наблюдал за процессом, чувствуя, как от удивления округляются глаза. Как режиссер он пришел на площадку с единственной целью — направить актеров. Но если за опытейшего Дай Вана, щелкавшего подобные задачи как орешки, он не беспокоился, то кандидатура Се Шуи вызвала у него оправданные опасения после затянувшегося творческого затишья.

Кто же знал, что этот парень преподнесет ему столь ошеломительный сюрприз! Взгляд Шуи с первой же секунды попал в самую цель.

В сущности, сыграть Линь Шу было куда труднее, чем Сун Минъя. Тот после реинкарнации лишился памяти о прошлой жизни и жил в свое удовольствие — дерзкий, своенравный, одаренный невероятной силой. Его характер бил через край, а для Дай Вана этот персонаж и вовсе был отражением его самого, так что перевоплощение не потребовало от него усилий.

Линь Шу же был соткан из нюансов. Если бунтарский дух Сун Минъя выражался в каждом жесте и мимике, то Линь Шу должен был играть исключительно одними глазами.

Верхнее божество, несущее бремя памяти на протяжении долгих десяти тысяч лет. В отличие от высокомерия Сун Минъя, во взоре Линь Шу сквозило глубокое сострадание ко всему сущему, за которым, впрочем, угадывалась незыблемая божественная гордость — негласная, сокрытая от праздных взоров.

Он любил смертных, но божественная природа не позволяла ему приближаться к ним слишком близко. Он выбирал уединение не из любви к одиночеству, а потому что тот единственный, кто мог стоять с ним вровень, еще не вернулся. И божество смиренно ждало.

Линь Шу отдал всю свою любовь и все душевные порывы Сун Минъя. При встрече с ним его взгляд должен был транслировать целую гамму чувств: безграничную нежность, стоическое терпение и невыносимую муку тайной, невысказанной любви. Именно эта двойственность и была самым сложным испытанием для актера.

Когда Се Шуи выдал финальный взгляд, У Юй не выдержал и рывком поднялся со стула.

Скрываемая страсть, трагическая обреченность, отчаянное желание коснуться любимого и непреодолимая дистанция между ними — радость, боль и внутренний надлом читались в его глазах с пугающей ясностью. Он не играл роль. В эту секунду он сам был Линь Шу.

Режиссера захлестнул такой восторг, что ему дико захотелось либо выбежать на улицу с победным воплем, либо сгрести Се Шуи в охапку и расцеловать. К счастью, здравый смысл возобладал.

Это была сделка века! Он-то думал, что берет актера в нагрузку, по акции «два по цене одного», а получил главный приз юбилейного розыгрыша. Невероятное везение! Теперь У Юй ни на секунду не сомневался: фильм обречен на оглушительный успех, а его собственное имя прогремит на всю страну.

Когда раздался финальный щелчок затвора, фотограф еще несколько секунд потрясенно разглядывал Се Шуи, прежде чем тихо произнести:

— Снято.

Величественная аура божества рассеялась без следа. Перед присутствующими снова стоял скромный актер. Столь мгновенное и естественное возвращение к реальности окончательно лишило У Юя дара речи.

«Гений! Настоящий самородок!» — билась в голове режиссера восторженная мысль. Как такой бриллиант мог оставаться незамеченным целых десять лет? Какое преступное расточительство! Дай ему шанс раскрыться раньше, он уже сегодня стоял бы на одной ступени с Дай Ваном, а то и превзошел бы его. Кто тот слепец, что все это время держал его в тени?!

— Режиссер У, все в порядке? Может, нужно переснять? Простите, я... я слишком долго не практиковался.

Се Шуи заметно робел. Едва съемка завершилась, как все присутствующие в павильоне уставились на него какими-то странными взглядами. Из-за этого молчаливого обожания ему показалось, что он безнадежно запорол работу.

Не успел У Юй открыть рот, как к ним с улыбкой подошел Дай Ван. Пользуясь преимуществом в росте, он по привычке потянулся было взъерошить волосы младшего, но вовремя вспомнил про сложный парик, помедлил секунду и вместо этого дружески похлопал его по плечу.

— О чем ты вообще думаешь? — негромко рассмеялся он. — Ты справился блестяще. Настолько, что бедный режиссер до сих пор дар речи вернуть не может.

Не веря собственным ушам, Се Шуи уставился на него с чистым, почти детским восторгом.

— Правда?.. — тихо переспросил он.

Дай Ван посмотрел на него со смесью нежности и легкой грусти, после чего с мягкой усмешкой бросил:

— Глупый.

От этой вкрадчивой, интимной интонации Се Шуи мгновенно бросило в жар. Осознав, насколько близко они стоят друг к другу, он смущенно отступил на шаг назад.

<http://bllate.org/book/20697/2109400>